Voprosy armenistiki v trudakh akademika I. A. Dzhavakhishvili (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Questions for Armenology in the Works of Academician I. A. Dzhavaxishvili (on the 100th Anniversary of His Birth)], by S. T. Eremyan and P. Muradyan, from Lraber hasarakakan gitut'yunneri [Bulletin of Social Sciences] (Erevan, Armenia), 4(1976), pp. 85-96, in 12 pdf pages.

ВОПРОСЫ АРМЕНИСТИКИ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

(К 100-летию со дня рождения)

С. Т. ЕРЕМЯН, П. М. МУРАДЯН

Благодаря усилиям крупнейших русских ориенталистов в 90-х годах прошлого столетия Восточный факультет Петербургского университета стал всемирно известным центром востоковедческих исследований и подготовки научных кадров. Отечественная ориенталистика прославилась не только широким охватом стран и культур т. н. христианского и мусульманского Востока, глубиной разработки обсуждаемых проблем, но и включением в разряд востоковедческих дисциплин новой—кавказоведения в историко-культурном понимании. Трудами М. Броссе, Д. Чубинова (Чубинашвили), К. Патканова (Патканян), А. Цагарели и особенно подлинного основоположника научного кавказоведения Н. Я. Марра была доказана академическая актуальность изучения историй, языков и культур народов Кавказа, несостоятельность существующих традиционных представлений по данному вопросу в научных и читательских кругах. Эти труды во многом способствовали углублению интереса к прошлому родного края у лучших сынов, создавших изучаемую культуру народов.

В числе первых представителей кавказской молодежи, стремившейся получить образование в Петербургском университете, в частности, на его восточном и историко-филологическом факультетах, оказался выпускник Тифлисской гимназии (1895) Иван Александрович Джавахишвили.

Занимаясь под руководством Н. Я. Марра и специализируясь в области армяно-грузинской филологии, И. А. Джавахишвили проявил большое усердие в изучении древних и новых восточных языков, умение разобраться в вопросах социальной и политической истории по разноязычным источникам и редкую способность разработки самостоятельных научных

проблем. Благодаря этому и настоятельной рекомендации учителя восточный факультет оставил его при университете, одновременно предоставив ему возможность усовершенствовать свои знания в научных центрах Германии. После сдачи магистерских экзаменов (1902 г.) хорошей школой для молодого ученого послужила совместная с Н. Я. Марром поездка на Синай для изучения грузинских рукописей, во время которой были выявлены некоторые важнейшие памятники или их редакции армянской и грузинской книжности. По возвращении И. А. Джавахишвили выступил с двумя пробными лекциями по избрании специальности и, получив одобрение и признание важности выдвигаемых им проблем, приступил к преподавательской деятельности в звании приват-доцента (1902—1917 гг.).

Наряду с грузинскими дисциплинами (до того, как Н. Г. Адонц приступил к чтению курсов по истории Армении) И. А. Джавахишвили с большим успехом читал ряд арменоведческих предметов, частично им самим основанных, а именно: «Общественный строй Армении в V веке» (с чтением отрывков из сочинений Лазаря Парпеци и Фавста Бузанда), «Армяно-грузинские историко-юридические памятники», «История города Ани» и т. д. Характеризуя научно-преподавательскую деятельность молодого И. А. Джавахишвили в 1907/1908 годах, акад. И. А. Орбели в своих воспоминаниях говорил: «В сентябре 1906 г. я смело окунулся на восточном факультете. Здесь сразу бросилась в глаза большая разница в преподавании Н. Я. Марра и И. А. Джавахова. Последний тогда только начал преподавать. Это был очень хороший преподаватель, не говоря уже о том, что он был прекрасным исследователем истории Закавказья. Кстати, должен сказать, что И. А. Джавахов обладал совершенно изумительным свойством, которое сейчас, в 1955 г., было бы нам особенно ценно и нужно, и главным образом тогда, когда речь идет о подготовке специалистов для изучения истории Кавказа. Это был ученый очень тонкий, очень осторожный в своих выводах, очень наблюдательный, блестяще владевший древнегрузинским и древнеармянским языками (при наличии подготовки и хороших знаний в сирийском языке, прекрасного знания греческого языка). Лекции И. А. Джавахова были всегда полны глубочайшего интереса ко всем вопросам истории культуры. И в этом смысле И. А. Джавахов наряду с Марром, для нас, кавказоведов, является исключительно ценным не только дополнением, но и источником, из которого мы черпали если не решение вопроса (в очень многих случаях о решении не могло быть еще речи), то глубокий интерес к различным вопросам, в частности к вопросу истории культуры. И тогда, в 1907—1908 гг., Джавахов умел гораздо объективнее (в условиях царского строя), гораздо прямее и гораздо честнее относиться к самым сложным и запутанным страницам истории культуры Кавказа. Вот почему не я один, а, вероятно, все, кто хоть один раз имели счастье слушать лекции Джавахова, не могут не вопоминать его имя с самым глубоким благоговением»[1].

[1] И. А. Орбели, Воспоминания студенческих лет (из стенограммы), см. К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, М., 1964, стр. 130.

В программной для своей дальнейшей деятельности лекции, озаглавленной «История народов Востока и данные истории Грузии и Армении»[2], молодой Джавахишвили указывал на неправомерность заключений историков, не учитывающих данные и закономерности внутреннего развития стран Востока, Грузии и Армении в частности. Несколькими примерами из грузинской действительности и анализом сообщений Стефана Орбеляна о столкновениях между отдельными социальными слоями (скорее —классами) в Сюнике он убедительно опровергал мнение о «духовной и социальной неподвижности» на Востоке и ее философии. К тому же он указывал на наличие политического, экономического и культурного общения не только между народами с христианским вероисповеданием, но и с мусульманским миром. Как известно, археологические и эпиграфические исследования последующих десятилетий полностью подтвердили положение Джавахишвили, основанное в те годы исключительно на сообщениях нарративных источников. К выдвинутым в данной лекции положениям И. А. Джавахишвили впоследствии возвращался неоднократно. Лучшей иллюстрацией последовательности ученого в собрании и трактовке фактов из кавказской истории служит его монография «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» (СПб., 1905), изданная в известной марровской серии «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии» (кн. VIII). Автор отлично сознавал, что для решения поставленных перед ним задач нужен археологический материал, нужны лингвистические выводы и т. д., но эти области науки все еще находились в зачаточном состоянии. Однако свод сведений, имеющихся в исторических сочинениях, некоторые авторские наблюдения по этнографии Грузии и установление реального значения некоторых терминов дали ему возможность говорить о социальном строе и происхождении царской власти, о территориальном делении и основном составе населения. Армянский материал для истории Грузии использован с достаточной полнотой, особенно в местах, где речь идет о социальных терминах из библейских текстов.

Почти то же самое нужно сказать о второй части работы, где специально разработаны вопросы государственного строя древней Армении на основании сообщений Фавста Вузанда, Елишэ и Лазаря Парпеци. Автор справедливо критикует предшествующих ученых (Ланглуа, Алишан, Гарагашян), которые, в сущности, и не пытались выяснить вопрос государственного строя. В части о территориальном делении им исследованы термины *տուն, ձոր, գաւառ, աշխարհ, երկիր, քաղաք, գեւղ, բերդ* и *ամուր*, во второй части (население) — *տոհմ, ազգ, տանուտէր, նահապետ, աւագ, իշխան, գահ, սեպուհ, նախարար, ազատորդի, ռամիկ, ոստանիկ, շինական* и т. д. Исследователь установил факт существования «сословных различий» (стр. 136), но исходя из принципа существования родового строя до возникновения феодального, притом при абсолютном отсутствии хро-

[2] Грузинский перевод этой лекции см. ი. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, I, თბ., 1960, გვ. 389–400.

нологической периодизации формаций, разумеется, больших результатов в современном понимании нельзя было и ожидать. Собственно, И. А. Джавахишвили сам неоднократно отмечал, что его задача в основном ограничивалась выяснением значений терминов. О том, каких успехов добилась современная кавказская историография, можно судить по двум академическим изданиям — «История армянского народа» (том I, Ереван, 1971, отв. редактор акад. С. Т. Еремян) и «Очерки истории Грузии» (т. I, Тбилиси, 1970, ред. акад. Г. А. Меликишвили), опирающимся на многие монографические исследования, в том числе и на книгу И. А. Джавахишвили. Изучение государственного строя древней Армении значительно способствовало исследованию истории страны марзпанского периода, что было предпринято и скрупулезно осуществлено другим учеником Н. Я. Марра— Н. Г. Адонцем в его капитальной монографии «Армения в эпоху Юстиниана (политическое состояние на основе нахарарского строя)», СПб., 1908 г.

В самом начале своей научной деятельности И. А. Джавахишвили проявлял надлежащий интерес к истории церкви и церковной литературы[3], о чем говорилось и в упомянутой пробной (или вступительной) лекции. Естественно, события начала VII века, приведшие к национализации армянской и грузинской церквей, представляли определенный историко-культурный интерес и нуждались в монографическом исследовании. И. А. Джавахишвили отлично справился с этой задачей, опубликовав работу «История церковного разрыва между Грузией и Арменией» («Известия АН», 1908, стр. 433—446; 511—535), в которой даны «критическая оценка имеющихся по вопросу о церковном разрыве между армянами и грузинами документальных данных и устных преданий, выяснение общего положения до момента событий, течения и характера полемики между армянскими и грузинским иерархами и тех причин, которые привели Грузию и Армению к разрыву». К выдвинутым вопросам он подходил с точки зрения историка и догматических вопросов «не имел намерения затрагивать» (стр. 433). Из имеющихся по данному вопросу источников наиболее достоверным он считает армянскую «Книгу писем», хотя и не отрицает значение сочинений Ухтанеса и Арсения. Теперь эту страницу нашей истории можно считать достаточно изученной[4], и заключения И. А. Джавахишвили выдержали критику времени. Помимо образцовой источниковедческой работы, в монографии ученого особо следует подчеркнуть заключение о том, что в монофизитской приверженности армян немаловажную роль сыграла политика Ирана относительно христиан в подвластных ему регионах. Этот факт доказывается не только отдельны-

---

[3] См. его статьи: «Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии», ЖМНПр., СПб., 1901, стр. 77—113; Das martirium des heiligen Eustatios von Mzchetha, 1901.

[4] *Ն. Ակինյան, Կյուրիոն կաթողիկոս Վրաց (Պատմություն հայ-վրական հարաբերության յոթներորդ դարու մեջ), Վիեննա, 1910, Մ. Օրմանյան, Ազգապատում, I,* втор. издание, *Պեյրութ, 1959, էջ 615—658*, G. Garitte, La naratio de rebus Armeniae, Louvain, 1952 и т. д.

ми сообщениями в «Книге писем» и у Арсения, но и активным вмешательством в церковные дела Смбата Багратуни, марзпана Гирканского.

Изучение связанных с армянской церковью вопросов привело исследователя к весьма значительным результатам: еще в 1902 г. И. А. Джавахишвили обратил внимание на интереснейшие в социальном отношении сообщения Стефана Орбеляна, послужившие первоисточником для его работы «Страница из истории крестьянского движения в древней Армении», опубликованной два десятилетия спустя[5]. Впервые в кавказоведении он обратил внимание на факты социальной, классовой борьбы в Армении, выразившейся в X веке схваткой между крестьянами и монахами в Сюнике. Монахи, считавшие себя полноправными владельцами земельных угодий, натолкнулись на организованное сопротивление крестьян из Цураберда, Тамалэка, Авеладашта, а местная феодальная знать в лице ишхана Смбата Сюнеци выступила в защиту духовенства. Описываемые события 915 г. И. А. Джавахишвили рассматривал как эпизод длительного процесса социальной борьбы в средневековой Армении. Вышедшие после этой статьи монографии подтвердили это мнение, в них детально прослеживаются все этапы и проявления борьбы крестьян[6].

Интерес И. А. Джавахишвили к истории социальной борьбы в Армении не исчерпывается этой публикацией. В своей капитальной «Истории грузинского народа» (тт. I—IV) он неоднократно обращается к фактам подобного рода из армянской действительности, а в работе «История социальной борьбы в Грузии в IX—XIII веках» (на груз. языке, Тбилиси, 1934 г.) специальная глава посвящена изучению «Разногласий и борьбы по поводу церковных доходов между грузинской и армяно-халкедонитской паствой и духовенством в Ани в 1218 г.»[7]. Изучая обнаруженную и опубликованную Н. Я. Марром надпись католикоса Грузии Епифания в Ани, Джавахишвили исследовал суть столкновения между духовенством и халкедонитской паствой в городе. Епифаний признает, что «полное нарушение правил и вашей (т. е. анийских священников-халкедонитов — *авт.*) стороны брать за венчание сто драм, <а следует половину их>[8]. У кого возможность, пусть накормит...» Разумеется, это не единственное «полное нарушение», однако, как доказывает Джавахишвили, оно не локального характера, ибо называемые в надписи налоговые термины известны и по другим источникам (Никорцминдский сигель XI века, Книга доходов Эрцо-Тианети XIII—XIV вв. и т. д.). Именно тот факт,

[5] ივ. ჯავახიშვილი, გლეხთა მოძრაობის ისტორიის ერთი ფურცელი ძველ სომხეთში, „ტფ. უნ. მოამბე", № 2, ტფ. 1922—1923, გვ. 247—261.

[6] *Ս. Պ. Պողոսյան, Գյուղացիների ճորտացումը և գյուղացիական շարժումները Հայաստանում IX—XIII դարերում, Երևան, 1956, Ս. Ե. Հակոբյան, Հայ գյուղացիության պատմություն, Երևան, 1957, Հ. Մ. Ութմազյան, Սյունիքը IX—X դարերում, Երևան, 1958, Գ. Մ. Գրիգորյան, Սյունիքի վանական կալվածատիրությունը IX—XIII դարերում, Երևան, 1973.*

[7] Работа переиздана: „ქართველი ერის ისტორია", ტ. III, თბ., 1966, გვ. 474—481.

[8] Восстановлено проф. В. Д. Дондуа (см. его: «К социально-экономической жизни средневековой Грузии по Анийской надписи (1218) Епифания». «АН СССР академику Н. Я. Марру», М.-Л., 1935, стр. 647.

что католикос становится защитником недовольствующей паствы, правомерно заключает автор, является доказательством крайне напряженных отношений между клиром и верующими, тем более, что армяне-монофизиты города также добились некоторых налоговых облегчений на год раньше.

Эпиграфический памятник из Ани — ценный источник по истории социальных отношений средневековой Армении и Грузии[9].

Год спустя, в 1935 г., в Тбилиси была издана монография И. А. Джавахишвили «Древнеармянская историческая литература». По признанию автора, «Армянская историческая литература меня лично интересовала, как и грузинская, со стороны целей и методов историографов, с точки зрения социально-культурной истории. Еще в годы студенчества работа над конкурсной темой в 1898 г. ...убедила меня в необходимости изучения труда армянского историка Агафангела. Отсюда начинается мой интерес к этим памятникам. В студенческие же годы привлекли мою любознательность сочинения Лазаря Парпеци и Фавста Бузанда своими щедрыми, пригодными для социальной истории Армении сведениями. Начиная с того времени я не прекращал исследование этих историков, а в 1901—1902 гг. в Берлине, будучи командированным Петербургским университетом в Германию в научных целях, приступил к изучению источников и причин-обстоятельств армяно-грузинского вероисповедного разрыва. Тогда же мое внимание привлекло значение методологических особенностей Ст. Орбеляна и драгоценные его сведения по социальной истории Армении. Именно последствием этого являются те две монографии, которые были опубликованы впоследствии. Таким образом, из-за самостоятельного и особого для истории Грузии значения армянской исторической литературы, начиная со [времени] оставления при университете, приступил к изучению истории Грузии и Армении и производил параллельно»[10].

За эти годы им был составлен курс «Истории армянского права в VIII—XII вв.», собраны материалы для второго тома «Государственного строя древней Грузии и древней Армении», а также написан ряд других работ, основная часть которых, как и библиотека ученого, погибла вместе с безвозвратно исчезнувшими археологическими материалами знаменитых Анийских компаний. Но И. А. Джавахишвили находит в себе силы в 1918 г. вновь приступить к составлению курсов по арменистике. Все это, несомненно, потребовало необыкновенных усилий. Убежденный ревнитель отечественной науки и один из ее крупнейших организаторов, он считал, что «всякий образованный грузин должен знать многострадальную, но весьма интересную судьбу своего соседнего, армянского, народа. Для этого же прежде всего нужно знание тех источников, на основании которых возможно восстановление истории Армении. Обзор этих источников откроет перед читателем не одну нужную страницу общественной

[9] По печатным сведениям, Джавахишвили взял на себя издание второй Анийской надписи — грузинской надписи Саһмадина.

[10] ივანე ჯავახიშვილი, ძველი სომხური საისტორიო მწერლობა, ტფ., 1935, გვ. IV—V.

мысли и социально-политической направленности Армении и Ближнего Востока»[11].

Изданный ученым курс «Древнеармянской исторической литературы» в арменистике по сей день оригинален не только своеобразными выводами и источниковедческими сопоставлениями, но и самим составом включенных в него памятников, их хронологическим распределением. Из множества историй по древнеармянской литературе ни одна еще не включала в себя все памятники армянской мартирологической литературы с учетом их древних переводов и обсуждением связанных с ними историко-филологических вопросов[12]. В книге И. А. Джавахишвили представлены: «Мученичество Сукаветских подвижников», «Мученичество Воския и ближних», «Мученичество святых архиереев Аристакэса, Вартанэса, Усика, Григория и Даниила», «Мученичество Давида и Тиричана», «Мученичество св. Григория Перса», «Мученичество св. Изтибузида». О историко-филологической важности этих памятников говорили Л. Алишан, Г. Тер-Мкртчян и особенно Н. Я. Марр, которым выявлены древнегрузинские переводы части означенных сочинений[13], но первая попытка их систематического изучения сделана И. А. Джавахишвили[14]. Как выяснено ученым, эти мартирологические сочинения содержат ряд ценных исторических сведений, заслуживающих критического подхода. Как бы ни были спорны отдельные конкретные положения И. А. Джавахишвили, специалисты средневековой исторической армянской литературы не могут обойти эту часть книги грузинского ученого.

Вторая часть курса посвящена агиографическим памятникам — разбору сочинений двух авторов — Агафангела и Корюна. Разумеется, и здесь имеется много интересных наблюдений, хотя основные его заключения неприемлемы для современного арменишста. В те годы науке еще не были известны некоторые редакции труда Агафангела, еще не был издан сводно-критический текст Корюна и, наконец, не было многих монографий, которыми располагают ныне специалисты. По мнению Джавахишвили, последняя национальная редакция Агафангела восходит к последним десятилетиям первой половины VIII века и отражает дух армянских монофизитских церковных кругов (стр. 144). История Агафангела — многослойный, не раз подвергавшийся переработке, местами весьма интерполированный памятник, поэтому столь прямолинейное заключение не учитывает всей сложности проблемы. Помимо новых греческих и арабских редакций, выявленные после выхода книги И. А. Джавахишвили древнегрузинские переводы «Вероучения» и «Мученичества Рипсимянок», многочисленные древнейшие армянские фрагменты, следы этого сочинения у историков V и последующих веков доказывают, что указанные

---

[11] Указ. соч., стр. VI.

[12] За последние годы в «Հանդէս Ամսօրեայ» стала выходить многолетняя работа армениста Н. Акиняна, содержащая все памятники древнеармянской книжности.

[13] Н. Марр, Из поездки на Афон. ЖМНПр., 1899, № 3.

[14] Впоследствии они были подвергнуты обстоятельному исследованию с приложением армяно-грузинских научных текстов покойным профессором И. В. Абуладзе (см. его: ქართული და სომხური ლიტერატურული ურთიერთობა IX—X სს-ში, თბ., 1944).

Джавахишвили хронологические рамки нуждаются в существенном пересмотре. Однако, как уже было отмечено, для дальнейшей работы над текстом Агафангела многие замечания И. А. Джавахишвили заслуживают должного внимания.

В книге И. А. Джавахишвили большое место уделено критике текста Корюна. Обе редакции сочинения, по мнению ученого, не дошли до нас в первоначальном виде, а следовательно, мало пригодны для выяснения обстоятельств создания алфавитов у народов Закавказья. Многие сообщения Корюна, даже относительно переводческой деятельности Маштоца, ученому представляются как следствие поздних интерполяций и дело рук редактора, сочиненные или внесенные по определенным соображениям. В палеографических особенностях армянского и грузинского алфавитов он не находит ничего общего, считая их созданными в отдаленные друг от друга времена[15]. В книге автор одновременно опирается на собственные заключения, сделанные им в специальном исследовании по грузинской палеографии[16]. И в этой монографии ученого есть много интересного и важного с точки зрения арменистики (взять, хотя бы, главы «О терминах и сведениях книжного искусства грузинского и других народов» и «Основные этапы развития грузинской письменности»), но специально об армянских источниках по вопросу письменности говорится в

[15] Относительно сочинения Корюна нужно заметить, что в дошедший до нас по поздним спискам текст действительно вкрались описки и искажения, исправлением и устранением которых занимались арменисты Н. Бюзандаци, Г. Наханетян, Т. Авдалбекян, Н. Акинян, С. Коланджян и многие другие. Однако текстологическое исследование источника не дало каких-либо серьезных оснований считать интерполяцией ту часть сочинения, в которой говорится о заботе Маштоца относительно создания албанского и грузинского алфавитов. Это сообщение Корюна сопровождается упоминанием целого ряда исторических лиц, сведения о которых не могли быть сочинены или внесены в текст писцами-интерполяторами последующих времен. Если бы даже в сочинении Корюна не говорилось об обстоятельствах создания алфавитов народов Закавказья (как это убедительно доказано в исследовании А. Г. Перихանян), то опять-таки учет исторической обстановки IV—V веков, общая направленность культурного развития данного периода, пути распространения христианства и его решающее значение в деле создания письменности в истории трех народов Закавказья и, наконец, само сводное изучение этих алфавитов вполне достаточны, чтобы признать их одновременно созданными, «основанными на одинаковых принципах» (А. Г. Шанидзе, см. „საბჭოთა ხელოვნება", 1962, № 7, стр. 17). Собственно, следует ли говорить о дохристианском происхождении какого-либо алфавита, в котором *изображение креста* и *монограмма Христа* (+ и ☧) фигурируют в качестве букв (ср. „პალეოგრაფიული ძიებანი", II. 1969, стр. 103—107). Поэтому более чем странно, что некоторые наши коллеги, специально не занимавшиеся этой сложной проблемой, стараются дискредитировать вопрос и его исследователей в глазах читателя. Именно так поступил проф. Ш. В. Дзидзигури в опубликованных недавно «Языковедческих беседах» თბილისი, 1975, გვ. 130—132), рассчитанных на широкого читателя и «популярных и свободных от детализации исследовательского характера». Достоверное сообщение Корюна необоснованно объявляя легендой, проф. Ш. В. Дзидзигури заявляет: «сегодня старые «теории» или легенды, которые имеют хождение в обывательских кругах, у настоящих ученых, разыскивающих правду, вызывают только улыбку» (стр. 132). В литературе иногда встречаются даже сказочные заключения, как это случилось с Р. Патаридзе в его поисках «графических основ еркатагира» (см. „მაცნე", 1970, №3, стр. 171—204).

[16] ივ. ჯავახიშვილი, ქართული დამწერლობათა-მცოდნეობა ანუ პალეოგრაფია, ტფ., 1926. Переиздана в 1949 г. (ниже пользуемся этим изданием).

параграфе «Теория армянского происхождения» (стр. 195—203). Как было отмечено, свидетельство Корюна он не считает аудентичным и полагает, что грузинский алфавит восходит к VII веку до н. э. Но в то же время он считает нужным констатировать, что «...до открытия памятников грузинской письменности раньше VI века сказанное мною о времени происхождения грузинского алфавита считаю гипотезой, правильность которой выяснит будущее» (стр. 236).

Археологические раскопки действительно выявили ряд грузинских эпиграфических памятников (Мцхета, Болниси, Палестина...), однако лапидарные грузинские тексты оказались не ранее V века по Р. Х. Видимо, подтверждается мнение акад. К. С. Кекелидзе относительно христианского периода происхождения грузинской национальной письменности[17].

Нельзя, однако, отрицать, что гипотеза И. А. Джавахишвили значительно способствовала всестороннему исследованию письменностей и смежных вопросов в истории многовековой культуры народов Закавказья.

Будучи историком широкого охвата, И. А. Джавахишвили проявлял немалый интерес к памятникам материальной культуры древней Грузии и сопредельных стран. Из такого рода его работ с точки зрения арменистики следует выделить одну — посвященную архитектурному и эпиграфическому исследованию Атенского Сиона[18]. Он в основном правильно прочел армянскую строительную надпись, сомневаясь лишь в одном — относится ли эта надпись к предполагаемой им первоначальной купольной базилике, или перестроенной ранее 853 года церкви крестообразного плана. Сам автор склонен был к первому предположению[19].

Следует отметить, что указанная работа Джавахишвили послужила толчком в деле интенсивной разработки вопросов раннефеодальной грузинской архитектуры, тем более, что за ней последовала другая работа ученого — «Термины искусства и главнейшие сведения о памятниках искусства и материальной культуры в древнегрузинской литературе»[20]. Если не прямо арменоведческих, то множество вопросов, интересных для арменистики, исследовано в монографии «Строительное искусство в древ-

[17] С гипотезой И. А. Джавахишвили, в отдельных проявлениях, случилось то, от чего предостерегал сам ученый в своей вступительной лекции: «В науке гипотезы, которые во все времена достаточны, оказывают несомненно большую услугу всякой дисциплине, но в то же время часто бывает... к гипотезе уж так привыкают, что она принимает вид теории и почти даже канона» „ქართველი ერის ისტორია", I, 1960, стр. 390.

[18] И. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам («Христианский Восток», т. I, вып. III, СПб., 1912, стр. 277—297).

[19] Недавно Г. Абрамишвили сделал ряд интересных наблюдений по эпиграфике Атенского Сиона, но, к сожалению, при датировке строительной надписи допустил необоснованную палеографическую вольность (см. „მაცნე", ისტ., არქ., ეთნ. და ხელ. ისტ. სერია, 1972, № 1, გვ. 32—55).

[20] Х. В., т. III, вып. I, стр. 71—31. Работа переиздана: см. ივ. ჯავახიშვილი, მასალები ქართველი ერის მატერიალური კულტურის ისტორიისათვის, I, მშენებლობის ხელოვნება ძველ საქართველოში, თბ., 1946, გვ. 177—189.

ней Грузии», в двух последующих выпусках этой серии, посвященных остальным областям материальной культуры Грузии[21].

Своеобразным дополнением многотомной «Истории грузинского народа» И. А. Джавахишвили служит ряд других его исследований — «Экономическая история Грузии», «История грузинского права», «Грузинская нумизматика и метрология», «Грузинская дипломатика», «Основные вопросы истории грузинской музыки» и. т. д. Все они—основополагающего характера, и в них немало интересных наблюдений из армянской действительности, отдельных авторских сопоставлений. Если учесть, что на разных этапах истории армянского и грузинского народов этнические, политические, культурные и географические факторы наших стран переплетались, служа основой сродства их материальных и духовных достижений, то вполне резонно говорить об арменоведческом значении и тех работ ученого, в которых даже нет речи об армянских реалиях.

Впрочем, идея близости и родственности народов и культур положена в основу одной из последних арменоведческих работ И. А. Джавахишвили, озаглавленной именно в духе сказанного — «Эпос «Давид Сасунский» близок и родственен всем народам СССР»[22].

Начавшему свою научную деятельность в качестве специалиста по армяно-грузинской филологии Джавахишвили волей судьбы суждено было и одну из последних своих публикаций посвятить арменоведческому вопросу—«Отражение истории в народном эпосе и народного эпоса в истории», написанную по поводу 1000-летнего юбилея «Давида Сасунского»[23]. По его заключению, «эпос Давида и Мгера, естественно, должен стать достоянием всемирной литературы», ибо «героическая многовековая борьба армянского народа против иноземных завоевателей и угнетателей, эпическим стилем изложенная и отраженная в поэме, не может не восхищать всех тех, кому дорога свобода трудового народа».

В арменоведческих трудах акад. И. А. Джавахишвили, как и в наследии любого другого крупного ученого, быть может, немало проблематичных вопросов, даже неточностей, но ведь он и не намеревался дать окончательное и т. н. единственно достоверное решение обсуждаемых проблем. Порою это является задачей поколений историков, а не одного, пусть даже крупнейшего, ученого. Подчеркивая значение «Истории Армении» Мовсэса Хоренаци и призывая не быть суровым в оценке его заслуг, И. А. Джавахишвили спрашивал: «Могут ли даже современные историки ручаться и претендовать на полную достоверность своего изложения о событиях столь отдаленных эпох»?

Характеризуя арменоведческую деятельность акад. И. А. Джавахишвили, следует сказать несколько слов о его выступлениях в качестве рецензента или оппонента, а также о его научно-организационной дея-

[21] Кн. II—საფეხელ-საგებელი, ავეჯი და ჭურჭელი, თბ., 1965. кн. III—ტანისამოსი, ქსოვილები და ხელსაქმე. кн. IV—საომარი საჭურველი და სამხედრო საქმე, თბ., 1962

[22] «Коммунист», 1938. 14. XII.

[23] Там же, 1939. 16. IX; арм. пер. см. «Գրական թերթ», 15. IX. 1939.

тельности. Вместе со своим учителем акад. Н. Я. Марром и другими крупными ориенталистами И. А. Джавахишвили принимал самое непосредственное участие в защите магистерских и докторских диссертаций по армянской филологии. Так было при защите М. Тер-Мовсесяна («История перевода Библии на армянский язык»), Г. Халатьянца («Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского»), Н. Г. Адонца («Армения в эпоху Юстиниана»). В 1928 г., при защите докторской диссертации Л. М. Меликсет-Беком на тему «Армянские ученые северных стран, выяснение их личности в связи с вопросами армяно-грузинских взаимоотношений» И. А. Джавахишвили выступил с ценными замечаниями, часть которых была опубликована впоследствии (1950 г.).

Глубокой заинтересованностью в развитии арменистики было вызвано выступление ученого на защите докторской диссертации А. С. Гарибяном на тему «Неизвестные армянские диалекты», обратившее внимание специалистов на необходимость изучения памятных записей армянских рукописей с точки зрения истории языка. То было одно из последних публичных выступлений ученого (21/II, 1940 г.).

По инициативе акад. И. А. Джавахишвили с 1918 г. в Тбилисском университете создана специальная кафедра арменологии. Исконным и общепризнанным основоположником арменоведческой школы в Грузии является акад. И. А. Джавахишвили, который еще в 1920 г., в трудных в политическом и материальном отношениях условиях для Тбилисской университетской библиотеки приобрел в Константинополе большое и ценное собрание армянских изданий, создав тем самым условия для дальнейшей и непрерывной арменоведческой работы[24].

Арменистика занимала И. А. Джавахишвили на протяжении всей его сорокалетней научной деятельности, но побывать в стране изучаемой им истории и культуры ему пришлось лишь один раз—летом 1911 г., когда он посетил руководимые Н. Я. Марром раскопки г. Ани. Однако армянские ученые и научная общественность с должным вниманием относились и относятся к его научным заслугам, высоко ценя его деятельность. В числе первых откликов на монографию «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» следует отметить обстоятельную реферацию арменолога-грузиноведа Г. Мурадяна (в то время архимандрита Егише) в солидном арменоведческом журнале «Арарат», с подробным изложением заключений монографии и должной оценкой заслуг молодого ученого[25]. К личности и научным публикациям Джавахишвили с большим почитанием относились академики И. А. Орбели и Я. А. Манандян, неоднократно ссылавшиеся на его труды. Особо следует подчеркнуть то благоговение, с которым относился к нему проф. Л. М. Меликсет-Бек. Как уже было отмечено, две его небольшие монографии были переведены им на армянский язык и изданы в Ереване еще при жизни Джавахишвили[26].

---

[24] Ср. *Գ. Մուրադյան, Հայագիտության վրացական դպրոցը, «Հայրենիքի ձայն», 27. IX. 1972։*

[25] См. *«Արարատ», 1905*, стр. 832–836, 901–908, 1110–1114.

[26] *Պրոֆ. դ-ր Իվ. Ջավախիշվիլի, Նյութեր Հայաստանի սոցիալական շար-*

Во вступительных статьях и комментариях к известному трехтомному изданию Л. М. Меликсет-Бека «Грузинские источники об Армении и армянах» (Ереван, 1934—1955 гг.) аннотированы и оценены десятки работ ученого. Но лучшим доказательством такого к нему отношения служат статьи «Акад. И. А. Джавахишвили и арменоведение», изданные на грузинском и армянском языках[27]. В них, а также в составленной им хронологической библиографии «Акад. И. А. Джавахишвили и его труды»[28], наряду с библиографическими справками Л. Меликсет-Бек дал полный обзор арменоведческой деятельности «великого грузинского ученого — акад. И. А. Джавахишвили».

Выражением всеобщего уважения армянской научной общественности к акад. И. А. Джавахишвили явился факт избрания ученого в составе научных советов Института языка и литературы и первого научно-исследовательского института в Советской Армении — Матенадарана. В составе образованной правительством республики юбилейной комиссии по празднованию 1000-летия «Давида Сасунского» значилось и имя акад. И. А. Джавахишвили.

ՀԱՅԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ ԱԿԱԴԵՄԻԿՈՍ ԻՎ. Ա. ՋԱՎԱԽԻՇՎԻԼՈՒ ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

(Ծննդյան 100-ամյակի առթիվ)

Ս. Տ. ԵՐԵՄՅԱՆ, Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

Ամփոփում

Պետերբուրգի համալսարանի արևելագիտության ֆակուլտետն ավարտած ու ակադ. Ն. Մառի ղեկավարությամբ հայ-վրացական բանասիրության մեջ հմտացած Իվ. Ջավախիշվիլին հաճախ է անդրադարձել հայագիտական խնդիրներին։ Հին Վրաստանի և հին Հայաստանի պետական կառուցվածքին նվիրված մենագրությունից հետո, նա առաջիններից մեկը ձեռնամուխ եղավ VII դ. հայ-վրացական եկեղեցական բաժանման աղբյուրների ու պատճառների ուսումնասիրությանը, ինչպես նաև X դ. Սյունիքում տեղի ունեցած սոցիալական ընդհարումներին՝ գյուղացիների և հոգևորականության միջև։ Սոցիալական շարժումներին է վերաբերում գիտնականի մեկ այլ աշխատություն ևս, որի քննարկման նյութը հիմնականում Անիի 1218 թվականի արձանագրությունն է։

Իվ. Ջավախիշվիլին վրացական հայագիտական դպրոցի հիմնադիրն է և մեր ժողովրդի պատմության ու մշակույթի լավագույն գիտակներից և ուսումնասիրողներից մեկը։

ժումների պատմության համար X դ. և XIII դ. սկզբներին. թարգմանություն վրացերենից՝ առաջաբանով և ծանոթագրություններով հանդերձ պրոֆ. Լ. Մելիքսեթ-Բեկի, Երևան, 1936։

[27] ლ. მელიქსეთ-ბეგი. ივ. ჯავახიშვილი და არმენოლოგია, „ივ. ჯავახიშვილის სახ. ისტ. ინსტ. შრომები", ტ. III, 1958, გვ. 267—288; ср. *ՊԲՀ, 1960, № 1, էջ 149—158։*

[28] ლ. მელიქსეთ-ბეგი, აკადემიკოსი ივანე ჯავახიშვილი და მისი შრომები (ქრონოლოგიური ბიბლიოგრაფია), „ბიბლიოგრაფიის მოამბე", I. თბ., 1940, გვ. 99—108.